

500.824

ЗВЕЗДА

№ 3
1929

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ:

МАРИЭТТА ШАГИНИНА. К. и К. А. ЧАПЫ-
ГИН. Жизнь моя. МИХАИЛ КОЗАКОВ.
Девять точек.

СТИХИ:

ИЛЬЯ САДОФЬЕВ, НИКОЛАЙ БРАУН,
М. ФРОМАН, И. ПРИБЛУДНЫЙ, А. ПРО-
КОФЬЕВ.

СТАТЬИ:

М. РАФАИЛ. Под знаменем Ислама и бри-
тавского национального флага.

Г. ГОРБАЧОВ. Бытие и сознание и пони-
мание Переверзена.

БИБЛИОГРАФИЯ.

А. П. ЧЕХОВ. Несобранные рассказы. Редакция И. С. Зильберштейна. Изд. „Akademia“. Лг., 1929 г. Стр. 4 + 36 + 506. Цена в переплете 3 р. 50 к.

На супер-обложке портрет молодого Чехова, а рядом разбросаны номера „Петербургской газеты“, „Осколков“, „Стрекозы“, „Будильника“; это та „малая пресса“, где начал и целые годы продолжал свою работу Чехов, не скоро выплывший на широкий простор серьезных журналов и „большой“ газетной прессы. Долго приходилось Чехову барахтаться в мелководьи. Дурная была это литературная школа для молодого таланта и дурная среда, и многие, не столь сильные, как Чехов, но тоже достойные лучшей участи, так и погрябли здесь. „Когда от танцовщицы Цукки родится сын, то его будут звать цуккин сын“. „За мною гнались 30 собак, из которых 7 были белые, 8 серые, а остальные черные: спрашивается, за какую ногу укусили меня собаки“... „Кого можно назвать падшим созданием?—Человека, упавшего с каланчи“. „Что жены мылят без мыла?—Головы мужей“. „Если молодые люди объясняются в любви на плоту, то это плотская любовь“. За такие вымученные каламбуры и пошлые остроты Чехов получал со строки по пятаку (больше, конечно, они и не стоили) материального вознаграждения и ровно никакого морального удовлетворения. Чехов долго писал о старых девах, геморроидальных чиновниках, спящих городских гласных, рога носцах, дачных мужьях, злых тещах, благотворительных концертах. Как темы, все это вовсе не заслуживает презрения, и мало ли ничтожных тем у самого Бокаччио, но отношение к этим темам у Чехова долгие годы было легкомысленно-шутовским, и его губила мелкость интересов, от которой отделаться ему не скоро удалось. Кое-что значило тут и постоянное цензурное давление, с которым „малой“ прессе приходилось очень серьезно считаться. Лишь изредка у молодого Чехова, мелькали проблески

гражданского протеста. Он позволял себе иной раз горько пошутить по поводу положения русской печати: „она имеет „Наблюдателя“ „Инвалида“ и „Сибирь“. „Русская мысль“ высылается... в плотной обложке“. Клабуная буфетчица собирает растасканные читателями журналы и газеты, и оказывается, что „русская мысль у квартального, жизни, зари и нови нет нигде, семью и школу облили чернилами, а нива у кабатчика“. Мало и таких шуток, как капиталистический совет трутням „взять в аренду цветы“, или разговор словоохотливого обывателя с господином „в синем костюме“ о законах природы и человеческого общения, вызвавший исчезновения обывателя неизвестно куда сроком на два года (последний рассказ, впрочем, цензурой не был пропущен). Преобладает во всяком случае „утробный“ смех. Не великий человек, но большой писатель (как ни забьки границы между этими степенями, но они, хоть и трудно определенными теоретически, легко ощущаются конкретно, „при случае“), Чехов вовсе не заслуживает полного переиздания. „Весь Чехов“ потопил бы Чехова. Даже в шестнадцати томах, выбранных им самим для марковского издания, найдется кое-что лишнее. Дополнительные томы этого издания уже изрядно рассиро-пили Чехова, а там пошла до сих пор незаконченные розыски и публикации „неизданного Чехова“. Многие отыскали с большим тактом использовал отысканное покойный А. А. Измайлов в своей биографии Чехова, и, надо правду сказать, эти разыскания почти всегда несравненно пригоднее для исследовательской потребности, чем для читательской. „Абсолютная“ ценность большинства добытых материалов ничтожна.

Малосамостоятельный редактор лежащего перед нами сборника соединил в нем ряд появившихся в последние годы публикаций и прибавил к ним кое-какие мелочи, которые раскопал совсем недавно. Жив и долго еще будет жить зрелый Чехов, но равного Чехова время уже почти аннулировало. Что проглатывал читатель копеечных юмористических журнальцев первой половины 80-х годов, проглатывал, надо прибавить, „промежду прочего“, то покажется не столько, смешными, сколько жалким, современному читателю, воспитанному в уважении к автору „Дуэли“,

„Степи“, Палаты № 6“. Длинные стра-ницы пародии на отрывной календарь („Северного сияния не будет. На о. Мадагаскаре родится великий акушер. Восход солнца 5 ч. 42 м., заход его же 6 ч. 29 м. Обед: бульон из слоновой кости, акриды с гвоадикой“ и т. п.) еще из самых веселых, но вот „Русский Рокамболь“ давно выдохся, а ре-портерские отчеты о деле банкового мошенника Рыкова свидетельствуют лишь о том, что Чехов не годился в репортеры. Лучшие во всем сборнике — рассказы „Калхас“, „Юбилей“, „Рыбья любовь“ (последняя шутка была, впро-чем, набросана, когда Чехову было уже за тридцать), но для того, чтобы оправ-дать всю книжку, этого мало. Издана она очень недурно и щедро и кстати, не „за волосы притянута“, иллюстри-рована портретами, карикатурами, ри-сунками, автографами, корректурами.

Редактор, вытащивший из-под спуда придуманные Чеховым подписи к слу-чайным картинкам („Какая у вас бе-ленькая шейка! — У меня и все тело такое, честное слово“), которые смело можно было оставить истлеть на страницах старых „Осколков“, не су-мед хорошими примечаниями прибли-зить автора к пониманию нынешних читателей. Он и сам должен был бы знать, и читателю сказать, например, каковы были общественные роли до-носчика Баталина, нововременского ре-дактора для отсидки* Федорова, кор-респондента Е. А. Кочетова („Русский странник“), лубочного писателя Миши Евстигнеева, чудовищным тиражом кни-жек которого не на шутку завидовал сам Лев Толстой. Вообще комментатор дает не то, что надо, а только то, что знает, а знает он не слишком много. Есть ошибки: не „Андреев и Бурлак“ (стр. 236), а Андреев-Бурлак (один, а не двое), не „Эрнест“ (стр. 294), а Эраст, эта ошибка портит намек на любострастие данного лида.

Неизданный и несобранный Чехов скоро будет собран и издан без остат-ка, со всеми „стружками, выметенными из мастерской художника“ (есть еще куча плохих фельетонов), и тогда при-дется опять печатать „избранного“ Че-хова. Известно, как повредила полнота издания такому поэту, как Некрасов. Но что делать, — мы теперь наблюдаем много примеров беззастенчивого ли-тературного халтуризма, прикрываемого

фальшивым пиэтетом. Сойдет „в том числе“ и сборник, состряпанный И. С. Зильберштейном. Немножко обидно, правда, за Чехова. Будь он жив (а он мог бы еще жить и работать), такие книжки не появились бы. Но повторяем, что делать!..

Н. Лернер.